

Му Цинхуа в конце концов кивнул и согласился. Делать было нечего: условия оказались слишком заманчивыми, он просто не смог устоять перед таким искушением.

К тому же Е Чунлань был неплохой партией: послушный, милый и сильный — стать с ним кармическими партнерами было даже выгодно. Сам Му Цинхуа к отношениям относился серьезно, хотя до этого момента у него никогда не было о них четкого представления.

Этот кивок привел Е Чунланя в полный восторг. Хотя внешне он изо всех сил старался сохранять невозмутимость, радость, светившаяся в уголках его глаз и бровей, выдавала истинные чувства.

Боги, его Даос согласился! Теперь и у него есть семья! Решено: как только вернутся в Цзинчэн, нужно проверить личную казну. Оригинал этого тела — император, неужели он не прокормит одного-единственного Даоса? А если не хватит — не беда, он умеет зарабатывать деньги, уж он-то откормит своего Даоса до румяных щек!

Возбуждение Е Чунланя не утихало вплоть до того момента, как кортеж остановился у загородной резиденции. Прислуга сразу заметила приподнятое настроение императора и была немало удивлена. Ведь последние дни он был подавлен, из-за чего всем приходилось ходить на цыпочках, опасаясь навлечь на себя его гнев.

А теперь император не просто повеселел — он буквально сиял. И все это за полдня! Неужели дело в новом Даосе? Сами того не замечая, слуги начали относиться к белоснежной фигуре, сопровождавшей императора, с куда большим почтением.

Му Цинхуа никогда не заботило, что о нем думают окружающие — уважают они его или нет. Сейчас его беспокоило лишь одно: его новоиспеченный кармический партнер оказался слишком прилипчивым. Раньше они тоже проводили много времени вместе, но тот никогда не смотрел на него с таким... идиотским выражением лица.

Выглядело это по-настоящему глупо!

Вечером, когда настало время сна, Е Чунлань попытался воспользоваться случаем, чтобы укрепить их чувства. Конечно, под сном подразумевался именно сон — в некоторых вещах Е Чунлань был довольно наивен. В прошлой жизни, когда условия были суровыми, им уже приходилось делить одно ложе, и он решил, что теперь, став партнерами, у них тем более есть повод спать под одним одеялом.

Увы, стоило ему заикнуться об этом, как Му Цинхуа с явным пренебрежением выставил его вон. У Даоса все же имелись остатки здравого смысла: партнер теперь император, и Му Цинхуа совсем не хотелось завтра же стать объектом сплетен и прослыть колдуном, сбивающим государя с пути истинного.

Это сулило лишние неприятности.

Глубокая ночь. Луна скрылась за плотными облаками, звезды потускнели, и без того темная ночь стала черной, как тушь.

В заброшенном домике на отшибе мерцал слабый огонек. В такой темноте он казался особенно

ярким. В свете лампы утонченные черты лица Хэ Цинчжэнь приобрели некую призрачную красоту.

Своих приближенных она оставила снаружи: то, что ей предстояло сделать и с кем встретиться, не должно было стать достоянием общественности, иначе ее карьере любимой наложницы пришел бы конец.

Она только успела переступить порог, приподняв подол платья, как чьи-то сильные руки рванули ее на себя. Объятия, крепкие, как железные тиски, сжали талию так, что стало больно.

Фонарь в ее руке от неожиданности сильно качнулся. Хэ Цинчжэнь нахмурилась, и в ее глазах не было ни капли радости от встречи с возлюбленным:

— Я же говорила, что нам нельзя видаться! Если нас обнаружат под носом у стольких людей, последствия будут немыслимы. Ты хочешь меня погубить?!

— Я просто хотел тебя увидеть, — радость Ци-вана мгновенно сменилась недовольством. Он сжал ее плечи: — Ты разве не скучала по мне?

— Здесь повсюду уши! Каждый наш шаг должен быть осторожным. Ты понимаешь, что будет, если наша связь раскроется? — Хэ Цинчжэнь была крайне недовольна его импульсивностью.

— Ты не понимаешь. В последнее время поведение Его Величества стало очень странным. Я уже много дней не могу попасть к нему на глаза, любые предлоги не работают. Не знаю, делает ли он это намеренно или действительно занят государственными делами... А вдруг он что-то узнал? — при последних словах Хэ Цинчжэнь невольно вздрогнула. Она боялась даже представить, что ждет ее в таком случае.

— Как брат мог что-то узнать? — усмехнулся Ци-ван. — Ты вечно себя накручиваешь. Я всегда предельно осторожен, ни единого следа не осталось.

Услышав это, Хэ Цинчжэнь слегка выдохнула, но брови ее по-прежнему были сдвинуты. Она оттолкнула его:

— Ослабь хватку, ты мне кости ломаешь.

Красота и капризный тон красавицы вызвали у Ци-вана жалость. Он поспешно разжал руки и, обняв ее за тонкую талию, притянул к себе:

— Я не хотел тебя обидеть. Просто через несколько дней мы вернемся в столицу, ты окажешься во дворце, и возможностей встретиться станет еще меньше. Я лишь хотел побыть с тобой до отъезда.

Несколько ласковых слов успокоили Хэ Цинчжэнь, от прежнего недовольства не осталось и следа. Она разгладила брови и прошептала:

— Я понимаю твои чувства, я ведь и сама... Но он — император, правитель страны, в чьих руках жизни всех нас. Нам остается лишь терпеть.

— Но я больше не могу, — в глазах Ци-вана вспыхнуло пламя амбиций. — Мы оба сыновья покойного императора. Только потому, что он сын главной императрицы, а я — второй, и только потому, что он старше меня на два года, он должен быть императором? А я обязан всю

жизнь стоять ниже него? Даже любимую женщину я должен уступить ему, а мой родной сын должен называть его отцом... Я не смирюсь!

Хэ Цинчжэнь задрожала и машинально облизнула губы:

— Что ты хочешь сделать?

— Я не хочу впутывать тебя в некоторые дела, — вздохнул Ци-ван. — Это не пойдет тебе на пользу.

Хэ Цинчжэнь хотела спросить, что именно он задумал, но необъяснимый страх заставил ее замолчать. Они знали друг друга больше десяти лет, и, возможно, она понимала его лучше всех на свете: понимала его обиду, его амбиции и его ненависть к императору.

От этих мыслей она побледнела и непроизвольно содрогнулась. Ци-ван крепче прижал ее к себе, в его взгляде промелькнула тревога.

При расставании оба не хотели отпускать друг друга. Ци-ван поправил ей волосы и плотнее закутал в плащ. Он наклонился и поцеловал ее в лоб, но не успел ничего сказать, как в стороне раздался шорох.

В глубокой ночной тишине даже малейший звук привлекал внимание. Ци-ван, владевший боевыми искусствами, обладал острым слухом. Его взгляд стал холодным, он резко повернулся в сторону шума и рявкнул:

— Кто здесь?!

Не успел он закончить фразу, как из тени метнулась черная фигура и бросилась прочь. Хэ Цинчжэнь затрясло; хотя она пыталась сохранить спокойствие, в глубине ее глаз читались ужас и напряжение.

Тень вернулась довольно быстро. Как только она приземлилась, человек упал на колени перед Ци-ваном.

— Кто это был? Ты разглядел? — в глазах Ци-вана плескалась жажда убийства.

— Отвечаю Вашему Высочеству, — человек, стоявший на коленях, на мгновение замешкался, но это было едва заметно. — Ваш подчиненный видел только одного человека.

— Кого?!

— Даоса.

Даоса?! Кто еще мог быть в резиденции, кроме того, кто должен был стать Государственным наставником?

Хэ Цинчжэнь намертво вцепилась в рукав Ци-вана:

— Что теперь делать? Его Величество постоянно вызывает этого Даоса к себе в последние дни. Говорят, он очень к нему благоволит. А вдруг... вдруг он расскажет императору?

Ци-ван тоже испугался, но сумел взять себя в руки:

— Не пугай себя раньше времени. Темно, как в могиле, может, он ничего и не видел? Главное

— не терять голову. — Он немного подумал и подтолкнул ее: — Иди, я сам во всем разберусь.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и ушел, оставив Хэ Цинчжэнь в одиночестве, дрожать от страха.

Налево, направо, снова налево... Глядя на голые, до боли знакомые ветви сливы, Му Цинхуа был вынужден признать: он заблудился.

Это же всего лишь загородная резиденция, зачем строить ее такой огромной? Проклятые капиталисты, совсем не понимают страданий бедняков. Му Цинхуа погладил пустой живот и, найдя повод для недовольства, начал злиться на весь мир.

И именно в этот момент ему на глаза попался Ци-ван.

Он, конечно, знал этого младшего брата Е Чунланя. Не то чтобы они были близки, но лицо было знакомым. В конце концов, первое, что он увидел, попав в этот мир, была именно его «живая картина» — любовная сцена.

Брат, который норовит надеть «зеленую шапку» (изменить) его кармическому партнеру? Что-то тут не так. Теперь его партнер — Е Чунлань. Му Цинхуа, хотя и был родом из секты «негодяев», сам себя таковым не считал. Не каждый, кто практикует Пурпурную зарю — подлец. По крайней мере, он — нет. Му Цинхуа решительно сжал кулаки.

Личность этого человека была не так важна, сейчас главное — спросить дорогу.

Поэтому, когда он появился, Му Цинхуа, хоть и сохранял невозмутимое лицо, оживился, что заставило Ци-вана внутренне напрячься.

Не успел тот придумать, как бы выведать намерения Даоса, как человек напротив уже оказался прямо перед ним:

— Не подскажешь, как пройти на кухню?

Вопрос Му Цинхуа окончательно сбил Ци-вана с толку. Когда изящная фигура Даоса скрылась в темноте, он все еще стоял, ошеломленно приходя в себя.

Однако в глубине души он почувствовал огромное облегчение. Поведение Даоса, его непринужденный тон — он явно не знал никакого секрета.

Му Цинхуа набил желудок и пошел спать. Спал он отлично, в отличие от некоторых, кто не сомкнул глаз всю ночь.

На следующее утро Хэ Цинчжэнь с темными кругами под глазами вскочила с постели ни свет ни заря. Ей было не до причесок и макияжа — она тут же отправила своего верного слугу разузнать обстановку.

Все было тихо. Слишком тихо. Эта тишина пугала. Хэ Цинчжэнь весь день ходила как на иголках, боясь, что в любой момент придут стражники с указом и сбросят ее с высокого поста наложницы.

В начале своего пребывания во дворце она уже хлебнула горя. В юности она была гордой и считала, что ее красота и талант не имеют равных — это другие не достойны ее, а не она их.

Даже император, стоящий над всеми, не был для нее исключением.

Именно эта гордыня сначала привлекла к ней императора, но она же стала причиной, по которой ее легко подставили и низвергли в грязь.

Тогда все смеялись над ней. Она ненавидела, она страдала и поняла: император — это прежде всего император. Он отличается от обычных мужчин. Когда он любит, он возносит тебя до небес, но стоит ему пресытиться — и ждет тебя полная гибель.

Она признавала: ненависть императора, она одновременно боялась его. Ци-ван был ее запасным аэродромом, тем, кем легче управлять. А главное — он любил ее. Так почему она не может предать? Разве для мужчины измена женщины не лучшее возмездие?

Для Хэ Цинчжэнь любовь к Ци-вану была прекрасна, но только до тех пор, пока это не угрожало ее положению. Она не хотела падать снова. Ни за что.

Тревога Хэ Цинчжэнь немного улеглась после тайного письма от Ци-вана. Хотя он и писал, что Даос, возможно, ничего не слышал и не видел, это было лишь «возможно».

Она не могла успокоиться!

В этом мире только мертвые не представляют угрозы.

Она тайно приказала пустить в ход то, что было заготовлено заранее. Изначально это предназначалось для императора, но теперь, похоже, придется сменить цель. Впрочем, раз он Государственный наставник, это не будет позором.

Му Цинхуа, разумеется, ничего не знал о кознях Хэ Цинчжэнь. Он, вероятно, даже не знал, кто она такая — он никогда не держал в голове посторонних людей.

Когда он проснулся, первым, что увидел, был Е Чунлань. В его янтарных глазах светилась улыбка. У Му Цинхуа екнуло сердце: он внезапно понял, что красивее этих глаз он еще ничего не видел.

Облачившись в сет «Покоритель варваров» и надев даосский венец, Даос выглядел по-настоящему одухотворенным. Е Чунлань смотрел на него, и в его глазах буквально мерцали звезды. «Нет, нужно держать лицо», — напоминал он себе, пытаясь вернуть образ степенного и серьезного императора, но получалось плохо.

Проклятье, раньше он думал, что его Даос прекрасен, но теперь — чем дольше он смотрел, тем красивее тот становился!

Е Чунлань терпел, терпел, но в конце концов не выдержал. Огляделся на закрытую дверь, посмотрел на Даоса, от которого невозможно было оторвать взгляд, и одним рывком подскочил к нему, подхватив на руки.

Люди из Горной обители Скрытого Меча обладали огромной силой — иначе как бы они управлялись со своими тяжелыми мечами? По крайней мере, для Е Чунланя Даос был очень легким, даже легче его меча. Похоже, откормить его — задача первостепенной важности.

Му Цинхуа, внезапно оказавшийся на руках, закружился в воздухе, как маленькая девочка. Е Чунлань даже подбросил его, и Му Цинхуа отчетливо ощутил прикосновение к своим ягодицам.

Его лицо... почернело!

<http://bllate.org/book/22147/2307317>